

Хунши смирно лежал на руках у Иньжэна. Прикрыв глаза, он демонстративно игнорировал щекотавшие его пальцы и прислушивался к докладу Линь Яо. Этот личный слуга и по совместительству верный сподвижник Иньжэна как раз отчитывался об осмотре покоев младенца. Ничего подозрительного или способного навести порчу обнаружить не удалось. Впрочем, Линь Яо не был знатоком в подобных тонкостях, а потому ручаться за абсолютную безопасность маленького господина не мог.

Послушав ещё немного, Хунши мысленно признал: у его второго дяди превосходный глаз на людей, да и в искусстве приручения равных ему сыскать трудно. Кем бы ни был этот Линь Яо изначально — бестолковым слугой или засланным шпионом, — сейчас он вышколен безупречно. Ловок, сообразителен, предан до мозга костей и видит своим единственным господином лишь Иньжэна. Подобная хватка вызывала у Хунши искреннее уважение.

В прежней жизни бывший наследный принц Иньжэн казался Хунши фигурой почти мифической. Покойный отец, будучи ещё простым князем, никогда не поминал опального брата добрым словом, так что составить непредвзятое мнение по чужим пересудам было невозможно. К тому времени, как Хунши вошёл в сознательный возраст, этот некогда могущественный наследник престола уже лишился милости венценосного деда. Всё, что долетало до детских ушей, сводилось к язвительным намёкам и сплетням о «безумном и разнузданном» нраве принца.

Рождённому в запретных стенах дворца Хунши с малых лет пришлось усвоить суровую истину: людская молва способна превратить ложь в непреложную истину, а любой благородный металл расплавить в грязь. Даже то, что видишь собственными глазами, порой оказывается лишь разыгранным как по нотам спектаклем, а уж верить чужим речам — и вовсе последнее дело. Хунши до сих пор помнил свой первый день в императорской школе. Мальчишка, сидевший наискосок впереди него, обернулся и улыбнулся ему — в этой мимолётной улыбке сквозило такое редкое, благородное изящество, что дух захватывало. Разве мог у столь одарённого, статного сына быть никчёмный, погрязший в пороках отец?

Все вокруг трубили, будто бывший наследник престола погряз в беспутстве и плотских утехах, вызывая омерзение у благочестивых мужей. Его клеймили за расточительность, надменность и попрание всех мыслимых приличий. Называли неблагодарным сыном, бессердечным братом, спесивым родственником и бездарным правителем, который обманул великое доверие государя и навсегда запятнал имя наследного принца.

Хунши не верил сплетням. В его памяти жил лишь один эпизод — его единственный визит во Дворец Возвращения Благодати. То был год, когда наследника сначала низложили, а затем вернули из опалы. Хунши тогда был совсем мал и не смел поднять глаз, но до сих пор помнил негромкий, с лёгкой издёвкой голос. Чистый, глубокий, он напоминал звон драгоценной яшмы. Лишь спустя годы, мысленно возвращаясь к той встрече, Хунши расслышал в этой обманчивой мягкости сквозящий ледяной холод одиночества.

Если этот Юнцзи и впрямь его второй дядя Иньжэн...

Хунши нахмурился. Вдруг его лба коснулось приятное тепло — мягкие пальцы осторожно

разгладили складку между бровей.

— О чём задумался, Юнцзин? — тихонько заговорил Иньжэн. — Не бойся, теперь у тебя есть старший брат, он тебя в обиду не даст. И не хмурься так, а то состаришься раньше времени.

Хунши оставалось лишь молча терпеть это воркование в духе «малыши должны быть послушными», после чего он счёл за лучшее просто зажмуриться.

Иньжэн поглядел на младенца, который изо всех сил притворялся спящим, лишь бы от него отстали. В глазах бывшего наследника престола промелькнула тёплая усмешка.

«А малец-то презабавный. Переродившись, он явно злится на свою беспомощность и наотрез отказывается строить из себя невинное дитя, но при этом отчаянно пытается изобразить полное равнодушие. Первые дни даже устраивал голодовки, воротя нос от кормилицы и игнорируя сюсюканье слуг, но, быстро поняв тщетность сопротивления, выбрал иную тактику — спать круглыми сутками. Каждый его взгляд на меня сквозит такой сложной гаммой чувств, что не заметить этого невозможно. Глупыш думает, что держится скрытно, не подозревая, что все его мысли написаны на лице. Эта детская беззащитность... неужели он так искренне доверяет мне?»

Иньжэн вздохнул и легонько щёлкнул Хунши по крошечному лбу.

«С таким простодушием и полным отсутствием притворства в наши прежние времена долго не жили».

В прежней жизни Иньжэну доводилось видеть этого племянника. Мальчик рос смыслёным, чутким, но в глубине его души уже тогда зрело глухое упрямство. Когда до Иньжэна, томившегося под арестом, дошли слухи, что Хунши связался с кликой Восьмого принца, ему оставалось лишь сокрушённо вздохнуть. Подобный характер — готовый расшибиться в лепёшку, но не отступить от своего — для любого старшего в роду был сущей головной болью.

Иньжэн бережно прижал к себе младенца и прилёг рядом, лениво похлопывая его по спинке. Малыш наверняка догадался, кто перед ним. Всё-таки в прошлый раз Иньжэн оплошал — с языка само собой сорвалось то самое гордое «Мы», которым некогда величал себя лишь наследник престола.

«Разумеется, я допускал, что не один ухитрился миновать чашу забвения у моста Мэн По. Но когда понял, что этот новорождённый кроха разделяет мой удел, в душе шевельнулось странное предвкушение. Человек, вынужденный влачить бремя памяти двух жизней, неизбежно обречён на глубокое одиночество. С другой стороны, я немного опасался: а вдруг переродился кто-то из моих былых недругов? Среди старых знакомых благородных мужей не водилось, все как один были хваткими, безжалостными хищниками, с которыми я никогда не ладил.

Однако судьба преподнесла мне щедрый подарок в лице этого малютки. Вычислить его прежнее имя труда не составило — слишком уж откровенно младенец презирал Хунли. Этот сорт удушливой ненависти я узнал бы из тысячи. Так ненавидеть могли лишь те, кто проиграл в жестокой схватке за трон и лишился всего.

Надо же, Хунши... В прошлой жизни мы были дядей и племянником, а в этой нам суждено стать братьями».

Новый облик вызывал у Хунши глухую ярость. Шутка ли — взрослому двадцатилетнему мужчине приходилось проводить дни в полудрёме. Никакой свободы движений, ни единого часа на глубокие размышления. Жизнь скатилась к позорному круговороту из сна и кормлений. Хуже всего было то, что окружающие носились с ним как с хрустальной вазой. Разумеется, младенцы хрупки, но не до такой же степени!

Матушка Ли, доверенная служанка императрицы Нала, лично проверяла каждую каплю молока, предназначавшуюся Хунши. Вся челядь в его покоях прошла строжайший отбор. И если таланты матери-императрицы в дворцовых интригах ещё вызывали у Хунши сомнения, то в методах второго дяди он не сомневался ни секунды. Стоило взглянуть на приставленных к нему слуг: безмолвные как брёвна, пугливые как перепёлки. Они боялись прикоснуться к чему-либо, кроме еды, доставляемой доверенными евнухами, до смерти страшась занести какую-нибудь заразу. Рядом с люлькой они даже дышать старались через раз, будто боялись ненароком сдуть младенца. Общаясь между собой лишь безмолвной перестрелкой глаз, они не смели проронить ни единого слова сплетен — упаси небо обмолвиться чем-то лишним под бдительным взором непредсказуемого двенадцатого принца Юнцзи.

В покоях царила удушливая, почти осязаемая тишина. Порой Хунши казалось, что во всей вселенной он остался совершенно один — от этого одиночества можно было лишиться рассудка. Именно поэтому он с нетерпением ждал ежедневных визитов Иньжэна, хотя ни за что на свете не признался бы в этом даже самому себе.

Иньжэн остался доволен произведённым эффектом. Полюбовавшись на мирно посапывающего под боком Хунши, он и сам почувствовал приятную дремоту. Приподнявшись на локте, он бросил короткий взгляд на преданного слугу.

Линь Яо тут же скользнул вперёд, помог господину снять верхнее платье, после чего заботливо укрыл обоих братьев лёгким одеялом и бесшумно растворился за дверью.

До ушей императора Цяньлуна тоже дошли слухи, поползшие по Запретному городу. Ему вдруг до смерти захотелось взглянуть, как отреагируют на эти толки его двенадцатый сын и императрица Нала. Тот факт, что сплетни — или, точнее сказать, уже подтверждённая правда — беспрепятственно достигли тронного зала, заставил владыку лишь пренебрежительно скривить тонкие губы.

«Каких только умельцев нет в Моей поднебесной, — подумал он. — Жаль только, они забывают, что император больше всего на свете любит преподносить сюрпризы».

Когда правитель пожаловал во Дворец Икунь, его доверенный евнух Гао Уюн сразу же осведомился у прислуги, где находится тринадцатый принц. Ответ прозвучал ровно и почтительно, без лишней суеты. Наблюдая за чинной поступью дворцовых слуг, Цяньлун невольно отметил про себя перемены. Он принял чашу с чаем и окинул взглядом залу: подносящая напиток служанка была весьма недурна собой, но в её глазах не читалось привычного заискивания или кокетства. Император поймал себя на редкой мысли: императрице Нала наконец-то удалось навести здесь образцовый порядок. Слуги во Дворце Икунь больше не пытались подобострастно предугадывать его капризы, что прежде неизменно вызывало у него раздражение. Их движения наполнились благородной сдержанностью и естественным достоинством.

Слушать вечную лесть, конечно, приятно, но даже самое изысканное блюдо приедается, если вкушать его каждый день. В этой благословенной тишине крылась особая прелесть. Впрочем, стоило Цяньлуну вспомнить суровый нрав своей супруги, как он со вздохом покачал головой.

«Из Нала получается прекрасная, строгая императрица, но вот роль кроткой возлюбленной, улаживающей взор стихами и благовониями, ей явно не по плечу».

В залу вошла матушка Ли и склонилась в глубоком поклоне, приветствуя повелителя.

Цяньлун небрежным жестом велел ей подняться и дежурным тоном спросил:

— Как себя чувствует императрица?

Матушка Ли, не поднимая головы, почтительно ответила:

— Докладываю Вашему Величеству: лекари утверждают, что в последние дни силы быстро возвращаются к Её Величеству.

Цяньлун кивнул и со стуком опустил чашу на столик.

— Тринадцатый принц в тёплых покоях? Принеси его, Я желаю взглянуть на сына.

Старая служанка на мгновение замялась. Почувствовав на себе ледяной, испытующий взгляд императора, она согнулась чуть ли не пополам.

— Осмелюсь доложить Вашему Величеству... Двенадцатый принц сейчас находится в боковом павильоне, убаюкивает младшего брата.

Цяньлун на секунду опешил. Затем он медленно поднялся с кресла, одёрнул полы парадного халата и сухо бросил:

— Веди.

Матушка Ли с невозмутимым видом пошла вперёд, указывая дорогу. Пусть каменное лицо императора не выдавало гнева, опытная служанка прекрасно видела, что владыка раздражён. Венценосные особы носят сотни масок, искусно пряча под ними истинные чувства, но когда с их лиц исчезает даже дежурная улыбка — это верный признак крайнего нетерпения.

Впрочем, матушка Ли ничуть не тревожилась. С тех пор как во Дворце Икунь в последний раз гремел императорский гнев, утекло немало воды. Императрица почивала, а двенадцатый принц... этот отрок владел словом и интригой ничуть не хуже самого государя. Ещё неизвестно, кто из них выйдет из этой встречи победителем.

Подойдя к дверям бокового павильона, Цяньлун упреждающим жестом велел слугам смолкнуть и сам толкнул резную створку. Взгляду его предстала удивительно мирная картина: румяный трёхлетний малыш крепко обнимал белокожего младенца. Оба безмятежно спали. Мягкие лучи закатного солнца, проникая сквозь тончайший оконный шёлк, укутывали детские постели тёплым золотисто-багряным покрывалом.

Император на миг застыл на пороге, замороженный этой тишиной, а затем бесшумно приблизил к ложу кушетку. Неотступно следовавший за ним Гао Уюн ловко придвинул к ней расшитый табурет. Довольный расторопностью слуги, Цяньлун опустил на сиденье и махнул рукой. Евнух беззвучно поклонился и попятился к выходу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вглядываясь в черты спящих сыновей, Цяньлун поймал себя на мысли, что никогда прежде не всматривался в них так пристально. Особенно в Юнцзи. Этот мальчик вечно держался поодаль, опустив голову. В нём не было ни детской резвости, ни сыновней нежности. Каждая их редкая встреча проходила по одному сценарию: чинный поклон, безмолвное стояние в стороне, краткие ответы на вопросы — ребёнок словно пытался стать невидимым. Раньше, навещая Дворец Икунь, император всецело поглощён был заботами о своём любимце, пятом принце Юнцзи, и не придавал этому значения. Но сейчас, глядя на беззащитное, мягкое личико спящего Юнцзи, он отчётливо ощутил исходившую от мальчика стену вежливого отчуждения. О тринадцатом принце и говорить не приходилось — этот малютка с первого дня невзлюбил отца, хотя его ангельский вид во сне не позволял гневаться всерьёз.

«Должно быть, Я и впрямь слишком обделил этот дворец своим вниманием, раз собственные сыновья дичатся Меня, — со вздохом подумал Цяньлун. — Что ж, пожалуй, сегодня отцу стоит первым сделать шаг навстречу».

Хунши внезапно очнулся от сна.

«Опять прошёл день этой сонной, никчёмной жизни», — уныло подумал он.

Но стоило ему пошевелиться, как навалившуюся дремоту мгновенно сдуло. На себе он почувствовал чей-то тяжёлый, пронзительный взгляд.

Почувствовав, как затрепетал Хунши, Иньжэнь покрепче прижал его к себе. На самом деле бывший наследник проснулся ещё в ту секунду, когда его нынешний державный родитель переступил порог, но из чистого упрямства не пожелал открывать глаза. Ощувив, как крошечное тельце под боком сперва напряглось, а затем обмякло, он мысленно усмехнулся.

Ощувив спасительное тепло родного плеча и услышав мерное, успокаивающее дыхание у самого уха, Хунши унял дрожь. Тревога, вызванная неожиданным визитом Цяньлуна, мало-помалу улеглась.

Кое-как разомкнув веки, он уставился перед собой. Рядом с кушеткой возвышалось огромное жёлтое пятно — императорское одеяние. Владыка глядел на него в упор, даже не пытаясь скрыть своего любопытства, отчего Хунши стало совсем не по себе. Ему безумно хотелось зажмуриться обратно и притвориться мёртвым, но сон не шёл. Слишком уж невыносимо было это навязчивое внимание.

Скривив ротик, младенец принялся сердито сучить крошечными ножками и размахивать кулачками, издавая невнятное кряхтение и лепет. На самом же деле ему хотелось закричать во весь голос:

«Дядя, ради всего святого, кончай притворяться! Проснись и выстави этого зануду вон!»

Иньжэн нехотя приоткрыл глаза. Изобразив на лице крайнюю степень сонной растерянности, он бережно похлопал раскапризничавшегося брата по животу, а затем, словно только что заметив гостя, испуганно вскинул голову. Сполз с кушетки, он чинно опустился на одно колено и замер в безупречном придворном приветствии:

— Сын приветствует царственного отца. Долгих лет и счастья Вашему Величеству.

Рука Цяньлуна, которую он только что протянул к колыбели, замерла в воздухе. Описав неловкую дугу, она вернулась на его собственное колено. Вид трёхлетнего сына, застывшего перед ним в безупречном поклоне, почему-то вызвал в душе императора волну глухого раздражения.

Сделав глубокий вдох, он сухо вымолвил:

— Поднимись.

— Благодарю, царственный отец, — тихо отозвался Иньжэн.

Он поднялся и как бы невзначай отступил на полшага назад, загородив собой люльку с Хунши.

Атмосфера в павильоне мгновенно похолодела. Хунши принялся сосредоточенно сосать большой палец, силясь разглядеть сквозь полумрак яркое пятнышко на одежде старшего

брата.

«Какая же холодная выдалась весна, — с тоской думал он. — Скорее бы меня унесли обратно в тёплые покои».

Младенческий организм бесстыдно выдавал любые переживания: Хунши невольно съёжился, его глазки подозрительно заблестели, а крошечные губы обиженно задрожали. Наблюдавший за этим краем глаза Иньжэн почувствовал одновременно жалость и порыв смеха. Не успел он вмешаться, как Цяньлун стремительно подошёл к ложу и уверенным движением подхватил младенца на руки. Иньжэн и Хунши разом оцепенели от неожиданности. Хватка у владыки Поднебесной была вполне сносной, но опыта в баюканье ему явно не доставало, поэтому Хунши, начисто проигнорировав величие царственного отца, оглушительно завыл.

Стоявшие за дверью служанки и няньки гурьбой ворвались в павильон. Поднялся невообразимый переполох. Цяньлун с потемневшим от гнева лицом молча наблюдал, как матушка Ли прижимает к себе безутешно всхлипывающего младенца. Иньжэн же, словно подливая масла в огонь, крутился рядом и ласково приговаривал:

— Ну-ну, Юнцзин, не плачь. Старший брат здесь, никто тебя не обидит.

Император сердито воззрился на крошечные пальчики Хунши, мёртвой хваткой вцепившиеся в ладонь Иньжэна. Резко взмахнув широкими рукавами, государь круто развернулся и зашагал к выходу.

Провождаемый нестройным хором славословий и отчётливыми вздохами облегчения, Цяньлун помрачнел ещё сильнее.

Уже покидая ворота Дворца Икунь, он не удержался и бросил взгляд назад. Фигуры стражников и дворцовых слуг, только что стоявшие как струна, заметно расслабились, но стоило им поймать суровый прищур повелителя, как они испуганно окаменели. У императора нервно дёрнулся уголок рта. Резко отвернувшись, он раздражённо подумал:

«Кажется, Мне сегодня действительно нечем было заняться, раз Я добровольно пришёл сюда искать неприятностей».